

ДЖОВАННИ

БОККАЧЧО

ДЖОВАННИ
БОККАЧЧО

Фьямметта
Ворон
Жизнь Данте

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-82
ББК 84(4Ита)-44
Б78

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с итальянского
Дизайн обложки *Р. Алеева*

Тексты, представленные в сборнике, сверены по изданию
Малые произведения : [сборник : перевод с итальянского] /
Джованни Боккаччо ; [сост., предисл. и общ. ред. Н. Томашев-
ского ; худож. А. Гончаров]. — Ленинград : Худож. лит., Ленингр.
отд-ние, 1975. — 607 с., 1 л. ил. : ил. : 22 см.

Боккаччо, Джованни.

Б78 **Фьямметта; Ворон; Жизнь Данте** : [сборник :
перевод с итальянского] / Джованни Боккаччо. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Зару-
бежная классика).

ISBN 978-5-17-189899-1

В сборник вошло три знаменитых произведения Джо-
ванни Боккаччо.

«Жизнь Данте» — первая полная биография Данте Али-
гьери, которого Боккаччо глубоко уважал и почитал. В тек-
сте он раскрывает некоторые эпизоды жизни великого поэ-
та, рассуждает о его судьбе и творчестве.

Также в сборник вошли повести «Фьямметта» и «Ворон»,
посвященные любви и ее превратностям. «Элегия мадонны
Фьямметты» написана в форме монолога обманутой девуш-
ки. «Ворон, или Лабиринт любви», в свою очередь, — виде-
ние-сон униженного мужчины.

УДК 821.131.1-82
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-189899-1

© Перевод. О. Мартыненко,
наследники, 2026
© Перевод. Э. Линецкая, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Фьямметта,
или Элегия мадонны Фьямметты

*Начинается книга,
называемая элегией мадонны Фьямметты,
обращенная к влюбленным женщинам*

ПРОЛОГ

Отрада жалоб у людей несчастных обыкновенно увеличивается, когда они подробно разбираются в своих чувствах или видят в ком-либо сочувствие. Поэтому, так как во мне, желающей жаловаться более других, причина жалоб от долгой привычки не уменьшается, а увеличивается, мне хочется, благородные дамы, в чьих сердцах пребывает любовь, быть может, более счастливая, нежели моя, — мне хочется, если это возможно, своим рассказом возбудить в вас сострадание. Я не забочусь, чтобы моя повесть дошла до мужчин; напротив, насколько я могу судить о них по тому, чья жестокость так несчастливо мне открылась, с их стороны я скорей дождалась бы шутливости, чем жалостных лиц. Прочитать эту книгу прошу лишь вас, кого по себе знаю кроткими и благостными к несчастным: вы здесь не найдете греческих басен, украшенных выдумкой, ни битв троянских, запятнанных кровью, но любовную повесть, полную нежной страсти. Через нее увидите вы жалкие слезы, порывистые вздохи, жалобные стоны и бурные мысли, которые, муча меня непрерывно, отняли прочь пищу, сон, веселые забавы и любезную красоту. При этом рассказе, прочтет ли его каждая из вас отдельно

или все вместе собравшись, если вы обладаете женским сердцем, то, уверена, нежные лица ваши зальются слезами, а мне, которая больше ничего и не ищет, послужат они утешеньем в вечной скорби. Молю вас, не удерживайтесь от слез; думайте, что ваша любовь, как и моя, может быть не весьма прочной, если же они схожи (чего не дай Бог), напоминая, я сделаю вам ее милой. Но так как рассказывать дольше, чем плакать, скорее приступлю к обещанной повести моей любви, более счастливой, нежели прочной, начиная со счастливых дней, дабы теперешнее мое положение явилось вам более несчастным, а затем доведу свое слезное повествование, как могу, до дней несчастных, от которых справедливо плачу. Но раньше, если мольбы несчастных бывают услышаны, я, удрученная, заливаясь слезами, молю: если есть божество на небе, чей бы дух тронулся моей скорбью, молю укрепить мою скорбную память и трепещущую руку к предстоящему делу, чтобы печали, что в сердце я испытала и испытываю, дали памяти силу найти слова, руке же, более желающей, чем способной к такому труду, возможность их написать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой госпожа описывает, кто она,
какие предзнаменования указывали ей
грядущие несчастья, когда, где, как и в кого
она влюбилась и последовавшее затем
счастье*

Я родилась от благородных родителей, воспри-
нятая благостной и щедрой судьбою, в то время
года, когда возрожденная земля кажется особенно
прекрасной. О, проклятый и противнейший из всех
дней день моего рождения! Сколь счастливей было
бы мне не родиться или быть погребенной тотчас
после печального рождения! Если б имела я не бо-
лее долгий век, нежели зубы, посеянные Кадмом*,
если б Лахесис*, свою нить начавши, оборвала тот-
час! В младенческом возрасте прекратились бы бес-
конечные скорби, что ныне печально нудят меня
к писанию. Но к чему эти жалобы! Тем не менее я
живу — такова воля Господня, чтобы я существова-
ла. Итак, рожденная, как я уже сказала, среди благ
жизни и вскормленная в них, отданная с детства до
нежного отрочества под надзор почтенной наставни-
цы, я приобрела привычки и манеры, свойственные
знатным девицам. И как мой рост с годами увеличи-
вался, так усиливалась и моя красота, источник моих

необычайных бедствий. Увы, когда еще маленькую меня хвалили многие за красоту, я гордилась этим и старалась с усердием и искусством сделать еще большею свою прелесть.

Сделавшись более взрослой и угадав, наученная природой, какие желания возбуждают прекрасные дамы в юношах, я узнала, что моя красота (несчастный дар для тех, кто желает жить добродетельно) рождала любовный пламень в моих сверстниках и в других благородных людях. И они различными способами (мало мне тогда известными) пытались неоднократно возжечь во мне тот же огонь, которым сами горели и от которого я впоследствии больше, чем кто бы то ни было, не только согрелась, но и сгорела; многие усердно ко мне сватались, но так как я вышла замуж за одного из них, вполне подходящего ко мне во всех отношениях, то вся толпа влюбленных, как бы лишенная надежды, перестала меня добиваться. А я, совершенно довольная таким супругом, жила в полном счастье до той поры, пока неистовая страсть с небывалою силой не овладела молодою душой. Увы, не было ничего, способного успокоить мое или какой-либо другой женщины желание, что тотчас же не приходило бы к моим услугам. Я была единственным благом и радостью для молодого супруга и любила его не менее, чем им была любима. О, как могла бы я считать себя счастливейшею в мире, когда бы вечно длилась подобная любовь!

В то время как я в непрерывном празднике проводила счастливую жизнь, судьба, внезапная рушительница земного благополучия, позавидовала мне за те дары, что сама дала, захотела отдернуть руку и, не зная, куда направить яд свой, искусно сумела к гла-

зам моим найти доступ несчастью; и правда, как глаз моих несчастье достигло, так там и пребывает до сих пор. Но боги, еще благостные ко мне и более, чем я сама, пекущиеся о моей судьбе, зная тайные козни, хотели дать оружие моей груди (если б я сумела взять его), чтобы не безоружною я вышла в бой, где пасть мне было суждено, — и ясными виденьями в снах моих в ночь перед днем, когда началась моя гибель, открыли мне будущее следующим образом.

Когда лежала я в глубоком сне на широкой кровати, приснилось мне, будто в прекраснейший, необычайно ясный день я радуюсь, как никогда, сама не знаю почему; и так-то радуясь, одна, среди зеленых трав, хочу я сесть на луг, защищенный от солнечных лучей тенью деревьев, одетых молодой листвою; нарвав различных цветов (а ими разукрашено было все то место), белыми руками кладу их в полу одежды, цветок к цветку подбирая; и, сделав из отобранных милый венок, надела его на голову. И так украсясь, поднялась — что Прозерпина*, когда Плутон ее от матери похитил, так с песней шла я раннею весною; потом устала, что ли, — в траву погуще я легла и отдыхала. И так же, как Эвридику* в нежную ногу сокрытая ужалила змея, меня, что растянулась на траве, ядовитая, сокрытая змея, казалось, под левую ужалила грудь; невзвидела я света от того укусу, как зубы острые вошли; потом, придя в себя и будто худшего еще боясь, себе на грудь холодную змею я положила, смягчить воображая гнев ее теплом горячей груди. Но змея, моею добротою ободрившись, приникла злою пастью к прежней ране и долго кровь мою пила, пока — так снилось мне, — вдруг отклонившись от меня, с груди не соскользнула и не исчезла с мо-

им дыханьем вместе, виясь, виясь по молодой траве. И день, сначала такой солнечный, с исчезновением змеи стал хмуриться, и все небо надо мною покрылось тучами, и следом за ее уходом все как бы смешалось, как будто она потянула за собой множество туч, которые, следуя за нею, облепили небо; и вскоре, как камень белый, что брошен в глубокую воду и словно тает, понемногу исчезая, так и она исчезла из глаз моих. Тогда я увидела небо, все закрытое мраком, будто, казалось, солнце затмило и настала ночь, как случилось это у греков после преступления Атрея*, и беспорядочные блистания пробегали по небу, и трескучие громы ужасали меня и землю. А рана, доселе одним укусом отмеченная, наполнилась змеиным ядом и, казалось, все тело мое обратила в гнойный нарыв; и я прежде, казалось, не знаю как остававшаяся без дыхания, почувствовав, что яд подступает к сердцу, в тоске предсмертной по свежей траве начала кататься. И смертный час, казалось, уже наступал; страх ужасной грозы и предсмертная боль в сердце так усилились, что потрясли спящее тело и разрушили крепкий сон. Проснувшись, я тотчас (еще в страхе от виденного) схватила правой рукою за укушенный бок, ища там того, что лишь в будущем ему предназначалось, но, найдя его невинным, развеселилась, успокоилась и начала смеяться над нелепыми снами, не придав значения небесному знамению. Ах, я несчастная! Как справедливо, что, презревши предзнаменования вначале, потом я им поверила с тяжелой болью и бесполезно плакалась, жалуясь на небеса, что открывают нам так темно, что почти не открывают тайны, которые можно назвать уже свершившимися. Итак, проснувшись, я подняла сонную голову и, увидев, что в комнату сквозь щель

вливалось утреннее солнце, отбросив думы, быстро вскочила.

Тот день был одним из самых торжественных дней, почему я и оделась тщательно в златотканые одежды и, искусно украсившись, как богини, сошедшие к Парису* в долину Иды, приготовилась идти на величайший праздник. И меж тем как я, что павлин, собою любовалась, думая понравиться другим не меньше, чем самой себе, цветок из моего венка, зацепившись за постельный полог или, быть может, невидимой небесною рукою с головы у меня сорванный, упал на землю, — но я, не заботясь о тайных божеских знаках, как ни в чем не бывало подняла его, воткнула в волосы и направилась в путь. Увы, какой более ясный знак будущего могли мне дать боги? Конечно, никакого. Этого достаточно было, чтоб показать мне, что с сегодняшнего дня моя свободная и независимая душа, отложив свою власть, должна стать рабою, что и случилось. О, если бы я не была безумной, конечно, я узнала бы, что этот день несчастен, и провела бы его, не выходя из дому. Но боги, хотя и указывают путь спасенья тем, на кого разгневаны, лишают их должной способности понимать эти знаки, в одно и то же время исполняя свой долг и утоляя гнев свой. Итак, судьба толкнула меня из дому, беззаботную и суетную; в сопровождении многих женщин я не спеша достигла святого храма, где уже шла служба, соответствующая празднику.

Вследствие моего благородного происхождения, по старинному обычаю, мне было оставлено достаточно почетное место между другими женщинами; заняв его, я по привычке обвела глазами храм, наполненный мужчинами и женщинами, расположенными разнообразными группами. Не успели

во время священной службы заметить, что я вошла в храм, как случилось то, что случалось во все прошлые разы, а именно: не только взоры мужчин обратились ко мне, но даже женщины смотрели на меня, будто никогда ими не виданная Венера или Минерва сошла на то место, где я стояла. Как смеялась я про себя над всем этим, довольная сама собою, гордясь не менее богини! И почти все юноши, перестав смотреть на других женщин, окружили меня, как венком, и, рассуждая о моей красоте, единогласно прославляли ее. Но я, смотря в другую сторону, делала вид, что занята другой заботой, и прислушивалась к желанной сладости их слов, которая как бы обязывала меня взглянуть на них более благосклонно; и я глядела не раз, не два, так что некоторые, пленившись тщетной надеждой, суетно хвастались моими взглядами перед товарищами.

Меж тем как я таким образом изредка взглядывала на некоторых и упорно созерцалась многими, думая пленить другого своею красотою, случилось, что сама постыдно в плен попалась. Уже приближаясь к тому моменту, который был причиной или вернейшей смерти, или прискорбнейшей жизни, не знаю, каким подвигнутая духом, подняла я с должной важностью глаза и острым взором различила в толпе окружавших меня юношей одного, стоявшего прямо против меня, прислонившись к колонне, отдельно от других, и я стала наблюдать его и его манеры (чего прежде никогда не делала). Скажу, что, по моим наблюдениям (еще свободным от любви), он был прекрасен по наружности, приятен по манерам, приличен по одежде; кудрявый пушок, ясный признак молодости, едва опушал его щеки, а на меня он взирал чувствительно и робко. Конечно, я нашла бы силы воздер-

жаться от взоров, но мысль о всем замеченном, что я выше перечислила, не что другое, как меня самое, влекла к тому. Воображая себе с каким-то молчаливым наслаждением его черты, уже запечатленные в моей душе, я находила новое подтверждение справедливости моих наблюдений; довольная тем, что он на меня смотрит, я изредка поглядывала украдкой, продолжает ли он делать это.

Когда, не боясь любовных силков, один раз я замедлила свой взор на нем, его глаза, казалось, говорили: «Госпожа, ты одна — наше блаженство». Я солгала бы, сказав, что это было мне неприятно, мне это было так приятно, что из груди я испустила было нежный вздох, сказать готовый: «А вы — мое». Но, спохватившись, я его подавила в себе. Но что из этого? Что не было выражено, сердце понимало, в себе оставляя то, что, выйдя наружу, может быть, сделало бы его свободным. С этой минуты, дав большую волю неразумным глазам, я услаждала их тем, к чему они уже возымели желание; конечно, если бы боги, ведущие все дела к известному концу, не отняли у меня разума, я бы еще смогла сохранить свободу; но, отложив все соображения, я отдалась влечению и тотчас стала готовою попасться в плен. Подобно тому как огонь сам перелетает с места на место, так из его глаз тончайшими лучами свет проник в мои глаза и, не довольствуясь остаться в них, сокрытыми путями проникнул в сердце. А сердце, в страхе от внезапно нашедшего огня, призвало к себе все мои силы, так что я осталась бледною и почти похолодевшею; но недолго длилось такое состояние, скоро наступило противоположное, и сердце не только почувствовало себя согретым, но и все силы, вернувшись на свои места, принесли с собою такой жар,